

Цзян Шаочжи оберегал Тун Цинхэ, как хрупкое стекло. Он носил его на руках, когда тот поднимался и спускался по лестнице, куда бы тот ни шел. Тун Цинхэ не выдержал жара и оттолкнул его перед тетушкой:

— Дядя, не стоит так преувеличивать, я просто жду ребенка, у меня же не отнялись руки и ноги.

Тетушка добавила уместное замечание:

— Умеренная физическая активность полезна во время беременности, Господину не стоит так волноваться.

Из-за беременности Тун Цинхэ, Цзян Шаочжи чуть ли не самоуправно решил приостановить его работу, чтобы он оставался дома, вынашивал плод и восстанавливал силы.

После нескольких досадных ошибок, связанных с безопасностью Тун Цинхэ, Цзян Шаочжи всегда становился тиранически авторитарным в этом отношении. Если у Тун Цинхэ начиналась небольшая температура, он должен был отдыхать дома полдня, и только после восстановления ему разрешали выйти.

Цзян Шаочжи смотрел на его живот глубоким взглядом и поглаживал его ладонью.

— Вернешься к работе, когда ребенок будет стабилен. Нельзя перетруждаться.

Тун Цинхэ чувствовал, что с ним все в порядке, но если Цзян Шаочжи просил его остаться, он должен был остаться на пару-тройку дней, а потом, если у него оставались планы, он мог поговорить с Цзян Шаочжи.

— Ладно, тогда ты вызовешь мне врача для обследования?

Обследование уже было проведено, и результаты Цзян Шаочжи видел, но он все равно слегка кивнул:

— Ага.

Одновременно с вызовом врача, Цзян Шаочжи отложил запланированное на сегодня совещание на полчаса. Его одежда была строгой и безупречной, каждая деталь подчеркивала его аккуратность. Волосы, которые он не стриг коротко несколько десятилетий, немного отросли, были уложены гелем, а резкие черты его лица были полны суровой важности. Он всегда действовал точно и эффективно, но сегодня, из-за ребенка в животе Тун Цинхэ, он неожиданно нарушил свои принципы.

Врач приехал и провел обследование Тун Цинхэ. Цзян Шаочжи сопровождал его на протяжении всего процесса, записывая все необходимые меры предосторожности и назначая несколько дат для повторных обследований. О личной жизни пары он больше не спрашивал.

Цзян Шаочжи решил не прикасаться к Тун Цинхэ даже пальцем на протяжении всей его беременности. Его снисходительность и сдержанность по отношению к Тун Цинхэ всегда были равны: любовь позволяла ему безгранично и беззастенчиво требовать что-либо от Тун Цинхэ, и именно из-за любви к этому человеку он не хотел, чтобы тот пострадал хоть на йоту.

Записав несколько важных моментов, Цзян Шаочжи поцеловал Тун Цинхэ в глаза:

— Если что-то нужно, скажи тетушке. Ты должен заботиться о себе и о баобао.

Тун Цинхэ не выдержал и прикрыл голову руками:

— Я понял, дядя, — он не обратил внимания на образ Цзян Шаочжи и настойчиво повернул его лицо к себе, внимательно глядя. — Я уже не ребенок, не волнуйся обо мне постоянно.

Тун Цинхэ слегка похлопал себя по животу:

— Смотри, я скоро стану папой, буду рожать ребенка.

Что касается родов, Тун Цинхэ видел, как рожали Юй Сяокэ и Цзи Вань. Он заранее знал, что это непростой процесс. Но после принятия факта его психологическая устойчивость оказалась намного крепче и быстрее, чем он ожидал.

Тун Цинхэ боялся боли, но он также умел терпеть. Радость от скорого отцовства затмила страх. Тун Цинхэ даже больше Цзян Шаочжи ждал, когда ребенок благополучно появится на свет.

На третий месяц, после осмотра врача, положение плода Тун Цинхэ полностью стабилизировалось, и Цзян Шаочжи, наконец, отпустил его на работу.

Старшие коллеги поинтересовались, почему он внезапно взял отпуск. Тун Цинхэ подсознательно потрогал свой живот, но слова застряли у него в горле. Хотя он работал с ними несколько лет, но после случая на банкете, который добавил Цзян Шаочжи еще одно дело, ему пришлось стать немного осторожнее.

Радостью о своей беременности он мог поделиться, но только с самыми близкими друзьями. Он беспокоился, что его беспечность снова доставит Цзян Шаочжи хлопот в будущем.

Поэтому Тун Цинхэ проглотил слова и расплывчато объяснил, что у него было недомогание, и только недавно он полностью восстановился. Коллеги выразили сочувствие, но больше не

расспрашивали.

У Цзян Шаочжи было мало выходных. Хотя он больше не исчезал на несколько месяцев, как раньше, выполняя задания, получить полный отпуск было редкостью. Его свободное время было часто фрагментарным, иногда он мог выделить Тун Цинхэ послеобеденное время, но больше личного пространства и времени у него не было.

В выходные Цзян Шаочжи выделил два часа, чтобы сходить с Тун Цинхэ за одеждой для ребенка. До рождения ребенка оставалось еще несколько месяцев, и покупать вещи было рано. Тетюшка дома сказала, что она сама все купит, и им не о чем беспокоиться.

Но чувство скорого отцовства было самым настоящим. Тун Цинхэ не мог не сделать что-то для своего нерожденного ребенка. Он договорился с Цзян Шаочжи, что они сами выберут одежду для малыша, чтобы ребенок еще до рождения почувствовал их любовь.

Первым, кому Тун Цинхэ рассказал о своей беременности, был малыш Шэнь Баобао. В тот день Баобао приехал к ним в гости со старым генералом Шэнем. Ребенок был скромным и послушным, но только перед Тун Цинхэ он позволял себе быть более наивным и активным, и, увидев его, сразу хотел обнять.

Тун Цинхэ осторожно увернулся, взял маленькую ручку Баобао и положил на свой живот, говоря:

— Впредь Баобао не может просто так обнимать Сяохэ, потому что у Сяохэ в животе маленький Сяохэ.

Малыш Баобао не совсем понял, и Тун Цинхэ объяснил:

— У меня будет баобао, который родится таким же маленьким, как Баобао, когда он родился.

Старый генерал, который сидел рядом и просматривал газету «Федеральные Новости», услышав это, поднял голову. В его спокойных глазах блеснул огонек:

— У тебя будет баобао?

Тун Цинхэ кивнул: — Три с половиной месяца.

Старый генерал Шэнь был рад. Хотя он не выражал лишних эмоций, Тун Цинхэ искренне почувствовал его радость.

На следующее утро, когда Тун Цинхэ завтракал с Цзян Шаочжи, к двери подошел посыльный с подарками от старого генерала Шэня специально для Тун Цинхэ.

Последние несколько лет Тун Цинхэ часто бывал в доме Шэней. Его любил не только малыш Баобао, но и старый генерал относился к нему, как к своему ребенку.

Лицо Тун Цинхэ покраснело от радости:

— Баобао еще не родился, а уже получил подарок.

Цзян Шаочжи молча наблюдал, отодвинул коробку, которую держал Тун Цинхэ, и посадил его себе на колени.

— Не любишь меня?

Тун Цинхэ потянулся, чтобы взять подарок, и сказал:

— Это другое, подарок для баобао.

Цзян Шаочжи не позволял ему прикоснуться. Тун Цинхэ был озадачен сильным чувством собственности Альфы, но его сердце наполнилось сладостью, словно медом.

Он обнял Цзян Шаочжи за шею:

— Я счастлив, что баобао получил подарок, — и тут же поспешил успокоить внезапное сильное чувство собственности Альфы. — Больше всех я люблю только Дядю.

Даже если появится баобао, Цзян Шаочжи все равно должен занимать первое место в сердце Тун Цинхэ — это единственное, что было предопределено природой между Омегой и Альфой. Тун Цинхэ прочитал это в глазах Цзян Шаочжи, его лицо покраснело. Он спрятал лицо в объятиях Цзян Шаочжи, пробормотав, что такой взрослый человек спорит с нерожденным ребенком.

Но если бы Цзян Шаочжи действительно стал спорить, Тун Цинхэ, конечно, отдал бы ему первое место.